

С.В. БОГДАНОВ, В.Г. ОСТАПЮК, Ю.С. ГУДОВА, А.А. АСЕЕВ, В.А. МАСЛОВ

ОККУПАЦИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ГЛАЗАМИ ИЗДАНИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ И АГЕНТУРЫ НКВД

БОГДАНОВ Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор (dr.bogdanov_sv@mail.ru); ОСТАПЮК Владимир Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент (ostapyuk@bsu.edu.ru); ГУДОВА Юлия Сергеевна – преподаватель (gudova@bsu.edu.ru); АСЕЕВ Артем Александрович – аспирант (aseev@bsu.edu.ru); МАСЛОВ Владимир Александрович – аспирант (maslov@bsu.edu.ru). Все – Белгородский государственный университет, Белгород, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь населения оккупированных немецкими войсками и их союзниками районов Курской области в 1941–1943 гг. Источниками послужили материалы печатных изданий, выпускавшихся местными коллаборационистскими органами власти под контролем немецких оккупационных властей, а также донесения советской агентуры, передававшей разведывательную информацию в 4-й отдел УНКВД по Курской области. Сопоставление источников информации позволяет выявить особенности освещения повседневной жизни гражданского населения, оказавшегося на оккупированной территории. Реконструируются события повседневной жизни городского и сельского населения области – голод, террор, антисемитизм, возрождение церковной жизни, подавление национального самосознания и психологическая война против советской идеологии – и их интерпретация в профашистских печатных изданиях и разведсводках советской агентуры. Характер отражения повседневной жизни населения на оккупированной советской территории в коллаборационистских изданиях определялся идеологическими установками германского командования, активной насаждением немецкого «нового порядка» и проводимой захватчиками массовой психологической войны против антифашистских настроений советских граждан. Сообщения советской агентуры более объективно отражали ситуацию на оккупированной территории; информация о коллаборационистах, мероприятиях в сфере религии и церкви, экономики несла на себе отпечатки советской идеологии 1930-х гг.

Ключевые слова: немецкая оккупация • повседневная жизнь гражданского населения • агентурные сводки • коллаборационистская пресса

DOI: 12346

Проблематика жизни советских граждан, в силу обстоятельств оказавшихся в 1941–1944 гг. на оккупированной германскими войсками и их союзниками территории, сохраняет актуальность. Остроту придают события внутри России и за ее пределами. К первым можно отнести дискуссию среди российских обществоведов по поводу защиты 1 марта 2016 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН К.А. Александровым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.». 29 мая 2017 г. Экспертный совет ВАК не поддержал присуждение ученой степени доктора наук соискателю. В тот же ряд следует поставить общественный резонанс в российском обществе на выступление старшеклассника из Нового Уренгоя в бундестаге ФРГ в рамках проводимого в этой стране «Дня памяти о жертвах войн и государственного насилия».

События и процессы в странах ближнего зарубежья: попытки рефашизации общественного сознания, обвинение СССР наравне с Германией в развязывании Второй мировой войны при одновременном обелении А. Гитлера, марши «лесных братьев» и бывших легионеров СС в сегодняшних Украине и Прибалтийских государствах. Интерес к обозначенной в статье проблематике исследования также предопределяется наличием значительного числа «белых пятен» по этому кругу вопросов.

Обзор литературы. Источники. В советский период в исторических исследованиях повседневная жизнь населения на оккупированной немецкими войсками части территории Советского Союза преимущественно рассматривалась в ограниченном ракурсе: зверства оккупантов в отношении гражданского населения, антифашистское подполье, партизанское движение. С начала 1990-х гг. открылась еще одна грань повседневности военного периода – коллаборационизм – сотрудничество части советских граждан с оккупационными властями. По мере рассекречивания региональных и части ведомственных архивов, в фондах хранились недоступные широкой общественности документы периода фашистской оккупации, стало увеличиваться количество публикаций по разнообразным аспектам это трагического периода национальной истории.

Не смотря на определенный «исследовательский бум» конца 1990 – начала 2000-х гг. вокруг проблем коллаборационизма на временно оккупированных немецкими войсками территории СССР, значительный комплекс проблем по-прежнему остается слабо изученным. Одна из них – социальный состав такого разнопланового явления, как добровольное сотрудничество части советских граждан с немецкими оккупационными властями. Причины и мотивация активного коллаборационизма также продолжают оставаться на периферии историко-социального анализа.

За последние годы отдельные специалисты провели работу по изучению отдельных аспектов рассматриваемой в настоящей статье проблематики исследования [Попов, 2006; Коровин, 2012]. Но, в то же время, попытка представить многообразие реалий фашистской оккупации через призму противостояния советской разведывательной агентуры и коллаборационистских печатных изданий осуществляется впервые.

Территориально границы исследования охватывают Курскую область – один из крупнейших регионов Центральной России, подвергшийся продолжительной немецкой оккупации (ноябрь 1941 – август 1943 гг.). Накануне Великой Отечественной войны Курская область имела 66 районов с числом жителей около 2 млн человек, большинство из которых проживало в сельской местности.

Документальными источниками исследования послужили материалы печатных изданий, выпуск которых был инициирован немецким оккупационным командованием с помощью коллаборационистов из числа местных жителей, изъявивших желание сотрудничать и имевших предшествующий опыт работы в информационной сфере. После освобождения советскими войсками Курской области от захватчиков вся фашистская печатная продукция, имевшаяся на руках у населения (плакаты, листовки, газеты, брошюры), подлежала в обязательном порядке сдаче в органы госбезопасности.

Вторым источником информации выступали агентурные донесения, поступавшие через специальные каналы связи в 4-й отдел Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел (УНКВД) по Курской области, которые объединялись в еженедельный бюллетень «О положении в районах Курской области, временно оккупированных немецко-фашистскими войсками», передававшийся в центральный аппарат госбезопасности страны.

Таким образом, у исследователя появилась реальная возможность сравнить изображение повседневной жизни гражданского населения, оказавшихся (оказавшегося) на оккупированной немецкими войсками территории Курской области на страницах профашистских печатных изданий и в агентурных сообщениях НКВД.

Отражение повседневной жизни оккупированной территории в сводках агентуры НКВД и коллаборационистских газетах. Сравнительный анализ источников информации о ситуации на оккупированной германскими войсками территории Курской области начнем со статистики коллаборационистских изданий, выпуск которых был инициирован немецкими оккупационными властями практически во всех крупных районах области. Первые подобные издания на оккупированной немецкими войсками территории области вышли в конце 1941 г., с момента захвата до выпуска первых номеров местных профашистских газет прошло чуть больше месяца. Это демонстрирует значение, которое придавалось оккупационными властями развертыванию массовой пропаганды среди гражданского населения

захваченных районов. Еще одним из факторов, ускоривших организацию коллаборационистских печатных изданий, являлось наличие бывших работников редакций районных и городских газет, привлеченных немецким командованием для работы в новых изданиях. В наиболее крупных городах Курской области: в Белгороде – газета «Восход», в Старом Осколе – «Новая жизнь», в Прохоровке – «Западные вести», в Рыльске – «Рыльский новый путь», в Курске – «Новый путь» начали выходить профашистские печатные издания.

Эпитеты, которые сопровождали информацию советской агентуры о начавших выходить коллаборационистских массовых печатных издания на территории Курской области были негативными: «грязный листок», «смердная газета». В то же время в сводных обзорах печатных изданий, выходивших в оккупированных районах, не сообщалось о том, что тиражи отдельных профашистских газет увеличивались. Например, за первое полугодие существования газета Белгородской городской Управы «Восход» выходившая один раз в неделю (по воскресеньям), с июля 1942 г. стала выходить два раза в неделю (по четвергам и воскресеньям), а с 8 сентября 1942 г. – четыре раза в неделю (во вторник, среду, четверг и воскресенье); с 20 октября 1942 г. газета стала выходить ежедневно, кроме понедельника. Тираж газеты увеличился с 10 тысяч до 27 тысяч экземпляров.

Это являлось результатом отсутствия советских газет, целенаправленной поддержки этого печатного издания немецкими оккупационными властями, а также тем, что старостам близлежащих населенных пунктов вменялось в обязанность принудительно распространять среди жителей данную газету. Отказ от покупки газеты означал автоматическое причисление себя к антифашистам со всеми вытекающими последствиями.

В годы войны, ни в последующий период в закрытых документах территориальных управлений госбезопасности СССР не проводился анализ социально-профессионального состава должностных лиц коллаборационистских органов гражданского управления. Не являлись исключением и кадры многочисленных массовых печатных изданий, открытых немецкими оккупационными властями на захваченной территории Курской области. Между тем, характерной особенностью организации пропагандистского обеспечения оккупационной политики гитлеровской Германии на территории Курской области являлось использование бывших работников областных, районных и городских газет для профашистских изданий. Это, надо отметить, не способствовало авторитету коллаборационистских органов власти и газет среди гражданского населения оккупированной территории.

Несмотря на внезапность вторжения германских войск на территорию области, к началу осени 1941 г. органы государственной безопасности осуществили перестройку деятельности. В соответствии с указаниями 4-го Управления НКВД СССР к моменту вторжения немецких захватчиков на территорию Курской области территориальное управление госбезопасности этой области имело в своем составе 2699 человек специальной агентуры, которые на случай оккупации области противником должны были остаться в соответствии с полученными указаниями, и проводить работу в тылу врага. 501 резидентура объединила 1576 человек. Кроме того, из числа старой агентуры было выделено 979 агентов-одиночек, завербовано 39 связных и организовано 72 конспиративно-явочные квартиры. Также были переведены на нелегальное положение работники УНКВД (в основном из негласного состава 3-го спецотдела), которые для прикрытия были устроены на рядовую работу в советские организации и соответствующим образом законспирированы [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 19. Л. 8].

На первый взгляд может казаться, что на территории Курской области, накануне немецкой оккупации был оставлен внушительный аппарат резидентурно-агентурной сети НКВД. Однако эти цифры необходимо воспринимать критически. Во-первых, война привела в движение огромные людские потоки: мобилизация, эвакуация, стремление уехать к родственникам подальше от войны и т.д. Не остался в стороне и негласный аппарат областного управления госбезопасности. Практически 25% от общей численности спецагентуры было призвано в ряды РККА, мобилизовано на оборонительные работы или эвакуировано с госимуществом. По неполным данным, на оккупированной немецкими войсками

территории Курской области осталось 347 резидентур – 110 человек и 663 агента-одиночки [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 19. Л. 8 об.].

Еще одной из причин сокращения количества агентов НКВД на территории Курской области после ее захвата немцами, явился страх отдельных местных жителей перед немецкими оккупационными властями за сотрудничество с советскими органами госбезопасности. Поэтому часть агентов, которые к работе на НКВД накануне войны были принуждены угрозами, либо попыталась просто отсидеться, либо перешла на сторону врага.

Уже первые агентурные сообщения из населенных пунктов Курской области изобиловали фактами многочисленных преступлений немецких военнослужащих: массовые казни мирного населения, расстрелы заложников, грабежи, изнасилования женщин, истязания детей и стариков, уничтожение сел и деревень. Вот некоторые из них. В селе Крестище Советского района Курской области немецкий солдат снял с пожилой женщины фуфайку, обрезал рукава и надел их себе на сапоги. Старуха, пытавшаяся сопротивляться, была жестоко избита [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 132. Л. 19]. 18 ноября 1941 г. в районном центре Курской области – Белгороде – на Базарной площади и в городском парке были установлены виселицы, на которых были повешены три жителя города за неподчинение немецким властям. Трупы выставлялись для всеобщего обозрения, их было запрещено снимать для захоронения [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 132. Л. 12]. 8 декабря 1941 г. отступающие немцы согнали 60 местных жителей села Большое Воловского района Курской области в один из домов и этот дом подожгли. Все находившиеся там сгорели [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 132. Л. 25].

Особую жестокость наступающие немецкие солдаты и офицеры проявляли к оставшимся на захваченной территории родственникам сотрудников НКВД, красноармейцев. 10–11 декабря 1941 г. в селе Куськино Мантуровского района Курского района жену сотрудника Тимского РО НКВД Филимонову Е.С. с двумя детьми бросили в погреб и сожгли. Сожгли хату красноармейца Кулаженова, а в ней трех его малолетних детей [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 136. Л. 36]. 13 января 1942 г. в хуторе Ханьки Ударовского сельского совета Черемисиновского района Курской области немцы задержали двух девушек по подозрению в работе на партизан, отвели их к двум офицерам на допрос. После этого вывели на улицу и зверски убили: отрезали уши, носы, выкололи глаза, а затем изуродовали тела и бросили [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 132. Л. 86 об.]. 2 января 1942 г. при захвате села Петрище Черемисиновского района Курской области немецкие солдаты изнасиловали девушек в возрасте от 8 до 16 лет [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 132. Л. 65]. Фиксировались случаи вопиющих преступлений против детей. 22 декабря 1941 г. в селе Сиделевка Советского района Курской области немцы расстреляли двух подростков за то, что они брали из своего погреба картофель. В райцентре Волово немецкий офицер убил 2-х летнего сына Бойковой Аксины, ударив его головой об стену, из-за того, что ребенок плакал и мешал ему отдыхать. В селе Новотаволжанка Шебекинского района немцы стреляли по детям, которые катались на льду. Одну девочку убили, вторую ранили [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 132. Л. 46, 47; Д. 136. Л. 20].

Ни в одном из первых номеров коллаборационистских газет, вышедших в свет в конце 1941 – начале 1942 гг., события, сопровождавшие захват немецкими войсками территории того или иного района Курской области, не получили освещения; тема была неудобной для захватчиков в связи с тем, что действительность начала оккупации ярко диссонировала с мифом о «немецкой армии – освободительнице русского народа от большевистской тирании».

По мере утверждения немецкого «нового порядка» на оккупированной территории Курской области пропагандистская деятельность коллаборационистских печатных изданий активизировалась. Они включаются в кампанию оккупационных властей по разрушению советской идеологии в сознании гражданского населения, воспитанию «преданности

великой Германии и ее вождю – Адольфу Гитлеру». Это находит свое визуальное выражение в появлении на первых полосах газет фотографий нацистского лидера.

Еще одна из проблем первых месяцев начала фашистской оккупации Курской области, которая нашла освещение в двух рассматриваемых источниках информации о повседневной жизни населения – угроза голода. Советская агентура в сообщениях о ситуации в городах области начала упоминать об обострении продовольственного обеспечения гражданского населения. В начале декабря 1941 г. сообщалось, что «население вынуждено питаться павшей кониной, а на улицах Курска можно встретить опухших от голода женщин и детей» [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 136. Л. 20]. Об о «имеющихся временных проблемах обеспечения продуктами питания населения города Белгорода» коллаборационистская газета «Восход» писала как о следствии «намеренного уничтожения запасов зерна и другого продовольствия бежавшими большевиками». Ни в одной из профашистских газет не сообщалось об ограблении местного населения немецкими оккупантами и их союзниками, о приказах немецких комендатур, обязывавших сдавать продовольствие местным старостам под угрозой отправки в концлагерь тех, кто решит оставить себе продуктов сверх установленной нормы.

Освещение новых органов гражданского управления и персоналий, назначенных немецкими оккупационными властями на руководящие должности и в коллаборационистских изданиях, и в агентурных сводках довольно скупо: упоминалась фамилия человека и новая должность. Предшествующее место работы и должность упоминались только в агентурных сообщениях.

Анализ социального состава лиц, изъявивших согласие перейти на сторону фашистской Германии и служить в органах гражданского управления, вновь создаваемых немецким командованием на территории Курской области, свидетельствует о ряде особенностей. Во-первых, предпочтение отдавалось бывшим управленцам-практикам, работавшим на предприятиях, в учреждениях, организациях. Во-вторых, особым доверием пользовались местные жители из этнических немцев. В-третьих, интерес – особенно немецких спецслужб – вызывали граждане, которые в довоенный период пострадали от репрессий советской власти.

Постепенное налаживание сферы быта и услуг населению в городах Курской области широко освещались на страницах коллаборационистских газет. Торжественно преподносилось открытие в Курске драматического театра для офицеров и кинотеатра для солдат немецкой армии; упоминалось об открытии постоянного двора для размещения приезжающих из деревень в областной центр. В то же время открытие дома терпимости на Семеновской улице в этом же городе, куда было насильно доставлено из захваченного фашистами села Роговое Мантуровского района 35 девушек, было обойдено молчанием, дабы не накалять взрывоопасную обстановку.

Агентурные сообщения не обошли стороной ни одного факта, свидетельствующего об оживлении данных сфер жизни оккупированных территорий; участие советских граждан в восстановлении сферы бытовых услуг (открытие парикмахерской, пошивочной мастерской) сопровождалось негативной оценкой.

В начале 1942 г. во многих коллаборационистских газетах был опубликован материал о праздновании Рождества Христова – одного из важнейших христианских праздников; акцентировалась благосклонная политика оккупационных властей к открытию церквей в Курске, практически повсеместному оживлению церковной жизни. Данные события также упоминались в донесениях советской агентуры преимущественно из городов Курской области; в комментариях видны традиции предшествующего советского периода борьбы с религией и церковью: «церкви посещают исключительно старухи и старики», «население интересуется к церковной жизни не проявляет» [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 136. Л. 63].

Выводы. Организованные под руководством германских оккупационных властей коллаборационистские газеты сразу же приступили к реализации своей миссии – оправданию агрессии гитлеровской Германии против СССР, подрыву доверия ко всему советскому, внедрению в общественное сознание убеждения в освободительной миссии германского

оружия от «большевистско-еврейской тирании» в советской России. Весь массив преподносимой профашистскими печатными изданиями информации фактически являлся своеобразной адаптацией нацистских идеологических клише для массового сознания советского жителя глубинки России, оказавшегося в силу стечения обстоятельств в оккупации.

Появление в газетах карикатур на Сталина, анекдотов с еврейским подтекстом, статей о «всеобщем заговоре евреев», «подлых убийствах и взрывах бандитов-партизан» не имели должного воздействия на гражданское население. Слишком сильным был диссонанс между официальной пропагандой германских оккупационных властей, их добровольных помощников из числа коллаборантов и повседневной реальностью – голодом, бесправием, нищетой, каждодневным страхом за родных и близких, чувством униженного достоинства.

К этому необходимо добавить восприятие подавляющим большинством населения оккупированной территории представителей русской гражданской администрации как власти временной и нелегитимной, а, следовательно, и не вызывающей уважения. Иного отношения к бывшим ответственным работникам районных государственных органов, руководителям предприятий, учреждений и организаций, изъявивших желание служить нацистской Германии, не могло возникнуть. В общественном сознании они воспринимались как изменники Родины, продавшиеся захватчикам за частичку власти и продовольственный паек.

Информация с оккупированной территории советской агентуры носила преимущественно фактиский характер. В ней могли быть неточности, но намеренные искажения и ложь были исключены (если это не было дезинформацией двойных агентов). Агентура находилась под пристальным вниманием резидентов и кураторов из УНКВД по Курской области. Каждый сообщаемый факт подвергался проверке и сопоставлению с информацией других агентов. Неточность, тем более ложь могли иметь неблагоприятные последствия для агентов, и они это знали. В то же время агенты, оставленные в тылу немецких войск для работы на оккупированной территории, являлись частью советских органов государственной безопасности, продуктом советской идеологической системы. Поэтому в комментариях, которые встречались в информационных блоках (возрождение церковной жизни, участие отдельных граждан в восстановлении городской инфраструктуры, работа в качестве учителя в школе и пр.), можно было найти осуждение сотрудничества гражданского населения с немцами захватчиками.

Немецкий оккупационный режим на территории Курской области с начала своего утверждения основывался на терроре в отношении гражданского населения, развязывании массированной психологической войны, нацеленной на уничтожение национального самосознания, любви к Родине. Стратегической целью германского командования являлось уничтожение СССР как государства, захват территории, превращение населения в послушную рабочую силу. Для достижения цели любые средства считались приемлемыми, одним из орудий в этом была пропаганда, предназначенная сделать то, что не всегда могло сделать оружие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 19.
АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 132.
АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 136.
Коровин В.В. Разведывательно-диверсионная деятельность специальных групп и агентуры органов НКВД на оккупированной территории Центрального Черноземья // Военно-исторический архив. 2012. № 1(145). С. 105–130.
Попов А.Ю. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 86–97.

Статья поступила: 09.10.18. Принята к публикации: 07.11.18.

GERMAN OCCUPATION OF THE KURSK REGION WITH THE EYES OF COLLABORATORS' PRINT MEDIA AND THE NKVD AGENTS

BOGDANOV S.V.*, OSTAPYUK V.G.*, GUDOVA J.S.*, ASEEV A.A.*, MASLOV V.A.*

*Belgorod State National Research University, Russia

Sergei V. BOGDANOV, *Dr. Sci (Hist.), Prof.* (dr.bogdanov_sv@mail.ru); Vladimir G. OSTAPYUK, *Cand. Sci (Law), Assoc. Prof.* (ostapyuk@bsu.edu.ru); Julia S. GUDOVA, *Lecturer* (gudova@bsu.edu.ru); Artem A. ASEEV, *Graduate Student* (aseev@bsu.edu.ru); Vladimir A. MASLOV, *Graduate Student* (maslov@bsu.edu.ru). All – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Abstract. The article examines daily life of the population in the areas of one of the largest regions of Central Russia – the Kursk region in 1941–1943 occupied by German troops and their allies. The main sources of information were materials of mass print publications, issued by local collaborators' authorities under control of the German occupation troops, as well as reports by Soviet agents that transmitted intelligence information to the 4th department of the NKVD in the Kursk region. Comparison of two information sources of the belligerent parties allows us to reveal peculiarities of coverage of various aspects of the daily life of the civilian population in the territory occupied by the Germans. The most important events in the everyday life of the urban and rural population of this region are being reconstructed: the problems of hunger, mass terror, anti-Semitism, revival of church life, suppression of national consciousness and psychological warfare against Soviet ideology, as well as their interpretation in pro-fascist mass print publications and intelligence reports by Soviet agents. Characteristic features of the reflection of the daily life of the population in the occupied Soviet territory in collaborationist print media were strict ideological guidelines of the German command, active propagandizing of the German «new order» and the massive psychological war by the invaders against the anti-fascist sentiments of individual Soviet citizens. Reports of Soviet agents with greater objectivity reflected the situation in the occupied territory. Although information about the collaborative civil administration bodies, activities in the sphere of religion and the church, the economy bore the imprint of the Soviet ideology of the 1930s.

Keywords: German occupation, everyday life of the civilian population, intelligence reports, collaborative press.

REFERENCES

- Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Kursk Region (AOFSS of the Russian Federation for the Kursk Region). Fond 4th Department of the NKVD. File 19.
AOFSS of the Russian Federation for the Kursk Region. Fond 4th Department of the NKVD. File 132.
AOFSS of the Russian Federation for the Kursk Region. Fond 4th Department of the NKVD. File 136.
Korovin V.V. (2012) Intelligence and Sabotage Activities of Special Groups and Agents of the NKVD Organs in the Occupied Territory of the Central Chernozem Region. *Voyenno-istoricheskiy arkhiv* [Military Historical Archive]. No. 1(145): 105–130. (In Russ.)
Popov A.Yu. (2006) Activities of the USSR State Security Bodies in the Occupied Territory during the Great Patriotic War. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 10: 86–97. (In Russ.)

Received: 09.10.18. Accepted: 07.11.18.